

Военнопленные наполеоновской армии в Псковской губернии в 1812 г.

КРУПНЕЙШИМ событием русской истории начала XIX в., имевшем общеевропейское значение, была Отечественная война 1812 г. Победа русского народа над завоевателем, считавшимся к моменту нападения на Россию величайшим гением мира, поразила воображение современников и поныне волнует потомков. Она служит для одних предметом гордости, для других – неразгаданной загадкой, для третьих грозным предостережением. Поэтому гроза 1812 г. вновь и вновь привлекает к себе внимание исследователей, оставаясь в числе вечных тем исторической науки. Приближающееся 200-летие начала войны (2012 г.) – хороший повод еще раз обратиться к событиям 1812 г., в том числе и на материалах отдельных губерний.

В августе 1912 г. на Бородинском поле состоялось общероссийское торжество в честь 100-летия избавления страны от наполеоновской орды, и накануне юбилея псковский губернатор барон Н.Н.Медем обязал уездных исправников собирать сведения о ветеранах войны и современниках – очевидцах боев. Но тогда, через сто лет после войны, таковых были разысканы лишь единицы.¹ Правда, была издана книга «Псковские дворяне в войнах 1806, 1812-1814 гг.» (Псков.1912), рассказавшая об участии в сражениях некоторых представителей псковских дворянских родов, появились произведения ряда псковских литераторов о событиях войны – С.И.Висковатова, Р.М.Зотова, А.А.Ивановского, И.Е.Великопольского и др. Ряд работ вышли из-под пера историков и краеведов в 1960-1980-х гг., но все же тема «Псковская губерния в Отечественной войне 1812 г.» оставляет исследователям богатое поле деятельности. Один из вопросов – положение солдат наполеоновской армии, ока-

завшихся в русском плену и размещенных частично на территории Псковского края.

Французское нашествие не коснулось непосредственно территории Псковской губернии, но псковичи по праву могут гордиться той ролью, которую они сыграли в Отечественной войне 1812 г. Военные события прошли от губернии стороной, но она оказалась в тесном соприкосновении с театром военных действий. В южных ее уездах – Торопецком, Великолукском, Новоржевском – располагались ближайшие тылы корпуса П.Х.Витгенштейна, стоявшие заслоном на пути французов на Петербург.² Через губернию проходили пути снабжения армии боеприпасами, оружием, продовольствием и одеждой, войска и ополчение из Петербургской и Новгородской губерний. С началом войны Псковская губерния стала прифронтовой и была объявлена на военном положении. И население, и губернское начальство не исключали возможности захвата Пскова неприятелем, но такая опасность ее миновала. Население губернии внесло большой вклад в обеспечении русской армии всем необходимым, она приняла на себя основной поток раненых и больных, приходилось бороться и с отрядами французских мародеров.

Дополнительные трудности для Псковской губернии создавали дезертиры и пленные многоязычной армии Наполеона. Первыми в Пскове оказались пятеро рядовых 1-й армии - дезертиров, прибывших 3 июля 1812 г. с паспортами, выданными литовским генерал-губернатором А.М.Римским-Корсаковым. При этом последний добавлял, что «на оных пленных по высочайшей его императорского величества воле следует требовать и отпускать по 10 копеек в день сверх провианта обыкновенного солдатского пайка».³ Спустя неделю, 11 июля директор госпиталей, полковник Преображенского полка Г.Г.Белоградский сообщил Псковскому вице-губернатору Ренненкампу о направле-

Николенко Александра Евгеньевна –выпускница исторического факультета Псковского госпедуниверситета им. С.М. Кирова

нии в Псков еще 12 дезертиров, и высказывал пожелание, чтобы губернское правление выдало французам паспорта для свободного проживания в России, а немцев отправило в Ревель. Находящихся в Пскове военнопленных предписывалось отправлять в Тверь. По сведениям командира псковского гарнизонного батальона майора Эльдерна, в Пскове к 15 июля числилось 17 дезертиров и 34 пленников.⁴

В Псков прибывали главным образом пленные, захваченные корпусом П.Х.Витгенштейна, а отправлялись они либо в Ревель (туда направлялись преимущественно дезертиры), или же в Новгород, причем партии офицеров и нижних чинов шли отдельно друг от друга.⁵ Из Новгорода пленные следовали дальше в Тамбовскую и Саратовскую губернии, куда другими путями направлялись пленные из 1-й и 2-й французских армий. Псковский гражданский губернатор князь П.И.Шаховской в предписании Эльдерну от 17 июля требовал отправляемых из Пскова пленных снабдить деньгами и провиантом, направлять их под конвоем гарнизонного батальона, строго следить за пленными в пути. Другим предписанием от 29 июля он обязывал городские и земские полиции выделять необходимое число караульных и конвойных из обывателей, подводы для перевозки больных и вещей, во время ночлегов отводить нужное число квартир и др.⁶ Однако о нормах довольствия пленным на период их переправки в течение июля-августа определенных инструкций не было, что отмечал тот же П.И.Шаховской: «Между тем стало мне известно, что некоторым военнопленным не только производится денежная дача и провиант, но даже винная и мясная порция, по которым же повелениям все то происходит, неизвестно».⁷

Лишь в изданном губернатором 2 сентября наказе городничим им предписывалось составлять списки пленных, а также определялись маршруты следования пленных через губернию: 1) Торопец-Холм-Старая Русса-Новгород, 2) Великие Луки-Порхов-Сольцы-Новгород, 3) Опочка-Псков-Порхов-Новгород. Выделение нескольких маршрутов позволяло рассредоточить массу пленных, проходивших по губернии, облегчив тем са-

мым положение населения, вынужденного заниматься сопровождением пленных, заготавливать для них продовольствие и одежду, предоставлять квартиры и пр. Отчасти снималась и напряженность, сложившаяся в самом Пскове. В наказе предписывалось кормить пленных по рациону солдат, выдавая, кроме того, им по 10 коп. вместо мяса, вина и приварка. Но до получения денег городничими они обязывались выдавать пленным «мясо быков, собранных в уезде», в случае отсутствия хлеба в провиантских магазинах забирать сухари из сельских магазинов, с мародерами же рекомендовалось поступать как с «колодниками», т.е. арестантами.⁸

Только к концу первой декады сентября 1812 г. из Петербурга было получено предписание Особой канцелярии, определившее положение пленных в России вплоть до окончания наполеоновских войн. Пленным предписывалось отправлять в Астраханскую, Вятскую, Пермскую, Оренбургскую и Саратовскую губернии в сопровождении военного конвоя, который во внутренних губерниях мог заменяться внутренней стражей. Конвоируемых обязывали «пленных не притеснять, внушать им, чтобы они вели себя спокойно под страхом коллективной ответственности за нарушение дисциплины», заболевших отправлять в госпитали, а после выздоровления – дальше в пункт назначения под конвоем полиции. При отправке пленных снабжали одеждой и обувью, выплачивали суточное содержание: генералам – по 3 руб., полковникам и подполковникам – 1 руб.50 коп., майорам – 1 руб., обер-офицерам – 50 коп., а нижним чинам – по 5 коп. Для больных и офицеров выделялось по одной подводке на двух человек, подводки же выделялись под экипаж и провиант.⁹

Конвоирование пленных через Псковскую губернию проходило, как правило, без серьезных происшествий, хотя имели место случаи побегов и даже недовольства условиями содержания. Так, в сентябре 1812 г. уездным властям Торопецкого уезда пришлось по одному из инцидентов проводить даже следствие. Рядовой Лампен де Франсуа на следствии показал, что причиной «бунта» был недостаток пищи и грубое обращение с пленными крестьян, которые «били пиками неко-

торых пленных». Унтер-офицер внутренней стражи Михаил Кожевников, следовавший в составе конвоя, виновником случившегося считал помещика Торопецкого уезда Касперского, которому поручалось препровождение пленным через уезд. Последний же, «не дав пленным отдохнуть, повел их далее», «в первый же день пути он дал пленным один хлеб без приварка, а на второй не дал даже хлеба». Группу с трудом уговорили двинуться дальше, но «пройдя семь верст вдруг из них пленные закричали «ура» и потом выхватили у иных крестьян пики., отчего крестьяне разбежались и потому те ушли пленными». Торопецкий суд, защищая своего члена Касперского, утверждал, что положенный провиант (по 3 ф хлеба на человека) был выдан, и «причины сему (бунту) никакой земский суд предположить не может», разве что близость театра военных действий. В ходе следствия также выяснилось, что не все пленные намеревались бежать: «во время бунта француз ранил пикой немца, пытавшегося остановить своих товарищей». Всего же во время случившегося было ранено 6 крестьян и двое пленным.

Для поимки бежавших тут же была отряжена команда внутренней стражи, а земскому суду повелели, «собрав побольше народу, непременно ту шайку истребить». К 3 октября из 40 бежавших 35 были пойманы и посажены в тюрьму, 29 из них получили в виде наказания по 10 палочных ударов, остальные же были освобождены от такого наказания по состоянию здоровья. По свидетельству захваченных, инициаторами бунта и побега были те, кто остался на свободе.¹⁰

Во избежание повторения подобных случаев губернатор П.И.Шаховской предписал увеличить численность конвоировавших пленным крестьян, запретив выдавать им какое-либо оружие, кроме дубин, «которыми мужик лучше и удобнее действовать может». Губернатор обращал внимание на то, чтобы конвойные не отлучались, не гасили ночные огни, окружали всю партию и «были бы всегда готовы остановить их замыслы», следили за получением пленными пищи и др. В случае же поимки беглых они отправлялись дальше как «колодники».¹¹

Приведенный выше случай был не единственным: о побегах доносили конвой-

ные почти всех партий, прибывавших в губернию, случались они и в других местах. В результате 5 сентября 1812 г. появился циркуляр Министерства полиции «Об усилении надзора за пленными», предписывавший принимать все меры к предотвращению беспорядков среди пленным, а нарушителей отдавать под стражу.¹² Надзор требовался не только за проходящими через губернию пленными, и находившимися в Пскове, т.к. их пребывание здесь вносило в размеренную жизнь города элементы беспокойства. Поэтому губернатор П.И.Шаховской неоднократно требовал от Эльдерна, чтобы тот не позволял пленным и дезертирам расхаживать по городу, и констатировал при этом, что собственными глазами видел «означенных военнопленных и дезертиров, ходящих по городу, и даже в нетрезвом положении, делая разнообразные непристойности».¹³

Всего по имеющимся данным к 4 августа 1812 г. через Псков прошло 845 нижних чинов и 8 обер-офицеров.¹⁴ Проходящие партии пленным останавливались в Пскове, как правило, всего на несколько дней, а губернатор принял решение размещать их до отправления в ближайших к городу селениях. Надзор за ними возлагался на внутреннюю стражу, в помощь которой придавались служащие земской полиции. Губернатор категорически требовал организовать караул таким образом, чтобы пленные не отлучались с отведенных им квартир. Это было особенно важно, т.к. в одном из донесений отмечалось, что «французы, быв во многом количестве, чрезвычайно отважны, иногда некоторые делают разные шалости, бегают от партий, скрываются по лесам, настигаются обывателями и доставляются сюда снова». Но и это оказалось лишь полумерой.

«Между тем, - доносил губернатору Эльдерн, - пленные, не имея должного присмотра, приходят в неповиновение, воруют в огородах разные овощи» и от них «происходят разного рода непристойности». 7 сентября, например, двое французских пленным были задержаны за участие в драке в питейном доме, причем один из них прибыл из деревни в сопровождении русского унтер-офицера, который при этом «куда-то отлучился», оставив своего подопечного в компании

другого француза, тоже «отлучившегося», но из госпиталя.

Вскоре губернатору пришлось в очередной раз предписать городничим и земским судам «пленным воли не давать делать каких-либо шалостей и дерзостей и содержать их в повиновении и наблюдать за их продовольствием, чтобы они не смели и мыслить, не только говорить или делать что-либо недолжного». 20 сентября П.И.Шаховской вновь обращал внимание Эльдерна на то, что пленные задержались в Пскове и ближайших к нему селениях надолго – на целых десять дней, «нуждаясь в продовольствии и ропща на худое содержание», а поэтому требовал, чтобы они задерживались не более чем на два дня. Теперь он вообще посчитал нежелательным размещать их даже по ближайшим селениям, «ибо от сего происходят разные шалости», а в срочном порядке составлять списки, обеспечивать их одеждой и как можно скорее отправлять по месту назначения.¹⁵

Задержки с отправкой пленных нередко случались по причине отсутствия денег, что в свою очередь порождало перебои с продовольствием и вещевым обеспечением. Так, 10 сентября Эльдерн доносил, что отпущенные казенной палатой 3 тыс.руб. кончились, и пленные третий день сидят без продовольствия. Кроме того, из-за задержки отправки партий простаивали собранные для этого у населения подводы. 26 сентября Эльдерн вновь сообщал, что отправка пленных приостановлена из-за отсутствия денег. В таких условиях пленным ничего не оставалось, как «промышлять» в поисках пропитания среди псковичей и окрестного населения. В одном из предписаний местным властям губернатор отмечал случаи, когда офицеры распускают пленных по селениям, «где они самовольно, а иногда насилием требуют, а иногда берут молоко, мясо и одним словом все, что им понадобится, а в иных домах в отсутствии самих хозяев делают бесчинство и буянство».

Но ряд указанных предписаний губернатора, скорее всего, начали выполняться, т.к. к 27 октября 1812 г. в Пскове числилось гораздо меньше пленных, чем раньше – всего 230 чел. Но ожидалось прибытие крупной партии их после взятия Полоцка, поэтому с учетом наступивших холодов вновь обо-

стрилась проблема их размещения. 28 октября губернатор предписал псковской квартирной комиссии выделить под квартиры пленных 10 обывательских домов и ни под каким предлогом не занимать их под другие нужды. Чиновникам, встречавшим пленных на границе губернии, рекомендовалось указывать конвойным офицерам за сутки посылать своих представителей в Псков для занятия квартир.¹⁶ Так что изменить коренным образом положение со скорейшей отправкой партий пленных из Пскова не удалось, что обостряло имевшие место ранее проблемы с обеспечением их продовольствием и элементарными условиями проживания.

Так, еще 5 августа Эльдерн доносил губернатору, что из-за недостатка дров для приготовления пищи и выпечки хлеба, а также нехватки соломы (из-за чего пленные при сырой погоде часто лежали на голой земле) среди пленных стали распространяться болезни, в основном поносы. В том же месяце пленные из партии, задержавшиеся в Пскове на неделю, жаловались губернатору на то, что до них не полностью доходят «положенные порции», и просили, в частности, вина. Только в конце августа в Пскове были оборудованы специальные помещения, где для пленных выпекали хлеб и сушили сухари.¹⁷ Проблемы со снабжением пленных возникали не только в Пскове, но и в уездных городах. Островскому городничему, например, пришлось израсходовать для питания пленных сухари, заготовленные совершенно для других целей. Новоржевский городничий писал, что прибывающие в Новоржев от великолукского городничего дезертиры (испанцы и голландцы) голодные и ему приходится кормить их за свой счет. Он обращался к жителям города и дворянству с призывом последовать его примеру, но успеха это обращение почти не имело. С большим трудом городничему удалось собрать 40 руб., на которые приобреталась крупа. Пленным достались и забредшие на тюремный двор свиньи горожан, отпускаявших их свободно гулять по городу в нарушение запретов.¹⁸

С приближением, а затем и наступлением холодов обострилась проблема обмундирования военнопленных, что тоже нередко задерживало их отправку из губернии. Так, уже

28 августа Эльдерн докладывал губернатору, что «пленные в основном без одежды или в очень плохой одежде, и поэтому отправка их невозможна». На первых порах комиссия Псковского комиссариатского депо выделила для пленных 150 старых шинелей и такое же количество пар старых сапог, что отнюдь не решало проблемы. Не было надлежащих условий и в местах массового скопления или постоя пленных. Островский городничий, например, 21 октября доносил губернатору, что хозяева не отапливают помещения, где находятся больные военнопленные, а иногда даже и свои собственные.¹⁹

В условиях нехватки прежде всего продовольствия, а также одежды, обуви, неудовлетворительного содержания в местах размещения неизбежными были заболевания пленных, и как следствие – смертность. Каких-либо полных данных о количестве умерших на территории губернии пленных, как и о местах их захоронения, официальные документы не содержат, но один из дореволюционных церковных краеведов Г.Лебедев в работе, посвященной Дмитриевскому кладбищу Пскова, приводит следующий факт:

«В 1863 г. с кладбищем повстречался следующий, достойный замечания, неприятный случай: по кладбищу протекал неболь-

шой ручеек и, при проходе железной дороги, в него выведена была канава от вокзала для стока воды и нечистот. Весною было сильное наводнение, так что ограду и самый ручей размыло на несколько саженой. Близ ручья находилось очень много могил военнопленных 1813-1814 годов, коих гробы вымыло и понесло по течению воды; некоторые из них приостановлены были полицией на месте, некоторые в решетках, в устье р. Псковы, а многие, вероятно, унесены течением воды».²⁰

Не исключено, что среди погребенных на этом кладбище были и военнопленные наполеоновской армии. Всего же в Псковскую губернию с 15 июля по 18 августа 1812 г. поступило 2590 пленных, а с 29 августа по 14 сентября – 2581 чел.²¹, т.е. по далеко неполным данным только за четыре первых месяца войны здесь побывали свыше 5 тыс. военнопленных. При всех возникавших трудностях и непредвиденных моментах система содержания и транспортировки их через Псковскую губернию позволяла обеспечивать сохранение жизни солдат враждебной России стороны и безопасность государства. Трудности невероятно выросли к концу 1812 г., когда нагрузка, связанная с увеличением количества пленных, становилась для страны непосильной.

Примечания

¹ Егоров Г. Псков и губерния в 1812 г. // Печорская правда. 2002. 23 июля

² Кузьмин И. Псковщина и Наполеон (Из истории Отечественной войны 1812 г.) // Псковская правда. 1992. 28 ноября

³ ГАПО. Ф.20. оп.1. д.384. лл.11,19

⁴ Там же. Лл.16,21

⁵ Там же. Д.388. лл.89-90

⁶ Там же. Д.384. лл.26,75

⁷ Там же. Л.98

⁸ Там же. Л.315

⁹ Там же. Лл.409-412,440

¹⁰ Там же. Лл.304, 307 об., 309; д.388. лл.3, 53

¹¹ Там же. Д.384. лл.309, 428

¹² Там же. Л.434

¹³ Там же. Л.78

¹⁴ Там же. Л.126

¹⁵ Там же. Лл.102 об., 112, 313, 363, 435, 440

¹⁶ Там же. Л.466; д.388. лл.109, 115, 130, 362, 473

¹⁷ Там же. Д.384. лл.13, 17

¹⁸ Там же. Л.202; д.388. лл.102, 106

¹⁹ Там же. Д.384. лл.288, 290; д.388. лл.102, 106

²⁰ Псковское городское Дмитриевское кладбище /Священника Г.Лебедева. Псков. Тип. Губернского правления. 1871 // Храмы и монастыри губернского Пскова. Сборник дореволюционных публикаций / Составитель и автор вступительной статьи Н.Ф.Левин. Псков.2005. С.342

²¹ ГАПО. Ф.20. оп.1. д.384. лл.57, 62